

“ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ” КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

О.И. АНАНЬИН

За “экономический империализм” без имперских амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий

В отличие от эпохи Д.С. Милля, когда задача состояла в том, чтобы провести границу, *отделяющую* политическую экономию от других наук, в наше время внимание сфокусировано на междисциплинарных связях, *соединяющих* экономическую науку с другими дисциплинами. До недавнего времени это внимание концентрировалось на двух аспектах темы: с одной стороны, расширение междисциплинарных связей экономики рассматривалось в качестве “противоядия” усугубляющейся узости экономического подхода в рамках неоклассического подхода [Joannides, Nielsen, 2007], с другой – междисциплинарность обсуждалась как проявление “экономического империализма”, то есть экспансии экономической науки в соседние области [Hirshleifer, 1985; Lazear, 2000]. Сегодня наметился еще один аспект той же темы, связанный с осознанием того, что развитие самой экономической науки в последние десятилетия происходило в немалой степени путем заимствований у соседних наук. Наглядными примерами этой тенденции служат такие новые направления исследований, как поведенческая, экспериментальная и эволюционная экономика (см., например, [Davis, 2006; Павлов, 2007; Либман, 2007]).

На первый взгляд, эти три аспекта междисциплинарности мало связаны между собой. Во всяком случае, соответствующие им исследовательские стратегии явно расходятся: одна нацеливает на кооперацию экономической науки с другими дисциплинами, другая – скорее, на борьбу за доминирование в сферах влияния “соседних” наук, а третья – на поиск и заимствование новых идей в других науках.

Столь неоднозначное отношение к междисциплинарным связям иногда объясняют неоднородностью самой экономической науки. Предполагается, что альтернативные мейнстриму течения склонны скорее к кооперации с другими дисциплинами, а неоклассика ассоциируется с “экономическим империализмом” [Özveren, 2007]. Соответственно, от новых дисциплин, возникших на стыках наук, следует ожидать оправда-

Ананьин Олег Игоревич – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономической методологии и истории Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий Центром методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН.

ния породившей их практики междисциплинарных заимствований. В данной статье предпринята попытка показать, что подобное объяснение весьма неполно: сдвиг в отношении экономистов к другим наукам по сравнению с эпохой Д.С. Милля – результат глубоких изменений, произошедших в самой структуре экономического знания в XX в., а разные аспекты споров вокруг междисциплинарности – не более чем частные проявления этого процесса.

“Один предмет – один метод”: норма, ставшая предрассудком

Знаменитый методологический очерк Д.С. Милля, кроме прочего, представлял собой попытку утвердить самостоятельность политической экономии по отношению к социальной философии – широкой области с размытыми границами [Милль, 2007]. Несколько позже он защищал ее независимость и от универсалистских притязаний социологии О. Конта (см. [Zouboulakis, 2008]). Для Д.С. Милля было критически важно показать, что политическая экономия имеет как четко очерченный предмет, так и специфический метод исследования.

Определение науки через ее предмет и метод – стандартная практика во времена Д.С. Милля. Система знания мыслилась в виде древа, различные ветви которого соответствовали отдельным наукам, так что каждая из них “отвечала” за свою предметную область и оперировала собственным методом, представлявшим собой специфическое приложение универсальных принципов научного исследования. Этот взгляд на дифференциацию наук по двум параметрам можно графически представить в виде матрицы, в которой каждая наука находит свое место на пересечении строки, соответствующей ее специфическому предмету, и столбца, соответствующего ее специфическому методу (см. рис. 1).

К экономической науке подобное представление было применимо до того времени, пока рикардianская политическая экономия сохраняла свое значение в качестве теоретического канона. Однако уже знаменитый тезис из “Основ политической экономии” Д.С. Милля (1848 г.) о “завершенности” теории стоимости обозначил, что классическая исследовательская программа к середине XIX в. была близка к исчерпанию.

Реакцией на эту ситуацию стало выдвижение двух альтернативных программ трансформации экономической науки. Одна строилась на принципах исторической школы, другая – на маржиналистских принципах. В первом случае предмет изучения охватывал (как и в классической политэкономии) экономику в целом, обычно на уровне национального государства, но отвергался рикардianский аналитический аппарат. Во втором случае предполагалось, что аналитическая строгость теории (пусть и нерикардianской по своему содержанию) должна сохраниться, правда, ценой сужения ее охвата. Даже вальрасианская версия маржинализма – единственная, чья предметная область охватывала экономику в целом, – трактовала ее гораздо уже, чем классическая политэкономия, ограничив свое внимание на особом случае совершенно конкурентной рыночной экономики. Маршаллианская версия маржинализма пошла еще дальше, по существу сведя дело к теории отдельных отраслевых рынков.

В результате и в период “спора о методе”, сопровождавшего возникновение и борьбу новых стандартов экономической теории за самоутверждение, и после формирования неоклассического мейнстрима на основе маршаллианской и вальрасианской версий маржинализма, принцип “один предмет – один метод” уже не отражал реального положения дел в экономической науке. Изучение экономических проблем распалось на целый спектр областей, различавшихся своими предметами и методологическим инструментарием. По мере профессионализации экономических исследований и при сохранении дробной структуры этой сферы отдельные области исследований постепенно стали оформляться в специализированные научные дисциплины со своими журналами, учебниками, авторитетами и т.д. Каждая из таких дисциплин выстраивала свой идеальный мир, вырабатывала свой язык, что нередко давало хорошие

Предметные области		Специфические методы				
		экономические	социологические	правовые	психологические	эволюционные
	Экономика	экономическая наука				
	Социум		социология			
	Право			юриспруденция		
	Психика				психология	
	Биологические виды					биология

Рис. 1. Определение науки через ее предмет и метод.

результаты: способствовало выдвижению новых гипотез, разработке полезных аналитических инструментов и подходов, помогало решать конкретные экономические проблемы.

Движущая сила разделения труда оказалась не менее значимой для прогресса экономической науки, чем она была, – согласно убеждению А. Смита – для прогресса самой экономики. Но подобно тому, как у Смита этот прогресс достигался ценой распространения тупости и невежества среди значительной части народа [Смит, 2007, с. 722], так и развитие экономических исследований сопровождалось выстраиванием многочисленных дисциплинарных границ, или фрагментацией знания. Как следствие, это вело к ограничению профессионального кругозора экономиста, снижению его способности воспринимать экономику в целом, оперировать с наиболее сложными проблемами реального мира.

Иначе говоря, сложившиеся исследовательские программы экономической науки в очередной раз достигли своих имманентных границ. Является ли ставка на междисциплинарность наилучшей стратегией для выведения ее из такого кризиса?

Типы междисциплинарности

При ответе на поставленный вопрос важно учитывать неоднородность междисциплинарных отношений и, соответственно, многозначность термина “междисциплинарность” [Мирский, 1980]. Во-первых, при обсуждении проблем междисциплинарности сами границы дисциплин могут определяться двояко: как по предметной области, так и по методу (см. рис. 2). Соответственно, в зависимости от подхода под экономической наукой (экономическими науками) может пониматься как область, соответствующая квадрантам **AI + BI**, так и область квадрантов **AI + AII** на рисунке 2, а под междисциплинарными отношениями экономики могут подразумеваться как перенос экономических методов за пределы сферы изучения собственно экономики, так и взаимодействие экономистов с неэкономистами в исследованиях самой экономики.

С позиции экономиста эти случаи существенно различны: первый базируется на общности *инструментария*; второй имеет общую предметную и, как правило, *проблемную* ориентацию. Такое различие имеет прямое отношение к когнитивным возможностям исследователя: освоение определенного исследовательского инструментария – в большей степени дело формального образования и однажды обретенных навыков, тогда как владение проблемной областью предполагает постоянную актуализацию знаний, причем нередко контекстных, неявных, интуитивных.

В зависимости от роли в междисциплинарных исследованиях их участники склонны трактовать границы между дисциплинами по-разному. Так, идеологи “экономического империализма” часто рассматривают исследования в этом жанре как экономические, так что междисциплинарные отношения возникают скорее по поводу

		Методы	
		I. Экономические	II. Неэкономические
Области	A. Экономика	экономические методы изучения экономики	неэкономические методы изучения экономики
	B. Неэкономические области	экономические методы изучения не-экономики	неэкономические методы изучения не-экономики

Рис. 2. Типы междисциплинарности.

согласования научных результатов, полученных экономистами и представителями научной дисциплины, традиционно “ответственной” за соответствующую предметную область. Оппоненты “экономического империализма” те же исследования склонны интерпретировать как вторжение на чужую территорию, понимая под междисциплинарностью любой выход за пределы традиционной предметной области данной дисциплины.

Другим основанием классификации междисциплинарных взаимодействий может служить тип знания, которое с их помощью генерируется, – фундаментальное или прикладное, соответственно. В фундаментальных исследованиях междисциплинарные связи, как правило, принимают форму заимствования идей (или методов) одной дисциплины при выдвижении и разработке нового знания в рамках другой дисциплины. Это – в известной мере симптом ограниченности дисциплины-реципиента. Диапазон таких заимствований может быть весьма широким: от эвристических метафор-подсказок до готового аналитического инструментария (математических моделей, экспериментальных методик) и научных результатов (например, выявленных поведенческих стереотипов), используемых в качестве элементов или блоков при построении или тестировании новых гипотез.

Во всех случаях, кроме эвристических метафор (способность которых стимулировать творческое воображение порой не зависит от глубины понимания их подлинного смысла в дисциплине-доноре), междисциплинарный перенос идей требует от исследователя высокого уровня компетентности в обеих дисциплинах – доноре и реципиенте. Он должен достаточно свободно владеть заимствуемыми методами или знаниями и генерировать конкурентоспособные результаты в области их применения.

Совершенно иной характер имеют междисциплинарные контакты в сфере прикладного знания. Со времен Д.С. Милля было ясно, что абстрактные теории, непосредственно не применимы на практике¹. Задача здесь состоит в том, чтобы собрать и объединить знания экспертов из различных областей, значимых для оценки конкретной ситуации и принятия адекватных решений. Каждый участник такой работы должен быть специалистом только в своей области. Дисциплинарное знание в этом случае не ставится под сомнение. Подобное междисциплинарное сотрудничество точнее было бы назвать мультидисциплинарным. Единственное дополнительное требование, предъявляемое к экспертам, – способность к сотрудничеству, командной работе вместе со специалистами других наук.

Экономический анализ права: типичный пример пересечения дисциплинарных границ

Феномен “экономического анализа права” (*Law & Economics*) – типичный пример междисциплинарного взаимодействия. Проникновение принципов экономического анализа в правовые исследования принято связывать с пионерными статьями Р. Коуза и Г. Калабрези [Coase, 1960; Calabresi, 1961]. Характерно, что это движение с самого начала не было чисто экономическим. С первых его шагов многие профессиональные статьи в данной области находили себе место и в экономических, и в правовых жур-

¹ “Каждое искусство предполагает не одну науку, но науку в целом, или, по крайней мере, много отдельных наук” [Милль, 2007, с. 1012].

налах. Один из сооснователей движения – Калабрези – был правоведом, так же как и Р. Познер – его лидер на следующем этапе.

Конечно, часть литературы по “экономическому анализу права” была посвящена стандартной экономической проблематике, связанной с размещением и использованием ресурсов при заданных ограничениях, притом что к числу последних добавлялись ограничения правовые. Такое расширение предметной области вряд ли могло задеть интересы других наук и рассматриваться как проявление “империализма”. Проблема действительно возникла лишь постольку, поскольку другая ветвь движения вступила в область правового регулирования – традиционную сферу ответственности правоведов. Столкновение оказалось в высшей степени показательным.

На пересечении двух дисциплин выявились, как минимум, три линии разрыва. Во-первых, *ценностный конфликт* между экономистами, опиравшимися на принцип эффективности, и юристами, апеллировавшими к принципу справедливости. Во-вторых, *эпистемологический разрыв* между преимущественно позитивной экономической наукой и преимущественно нормативным знанием в юриспруденции. В-третьих, разная *степень зависимости* двух наук *от культурной специфики* объектов: более обобщенная экономическая теория, с одной стороны, и отчетливо системно-специфические правовые доктрины – с другой. Особо важным фактором оказалось разделение англосаксонской и европейской континентальной правовых традиций.

Познер предпринял немало усилий, чтобы показать, что в системе обычного права (*common law*) правовые нормы сами нацелены на эффективность, поскольку их утверждение происходит в результате спонтанного эволюционного отбора, отсеивающего неэффективные нормы [Познер, 2004]. Это была попытка если не снять, то хотя бы смягчить конфликт ценностей.

Однако сам Познер вынужден был признать, что его аргументация оказывается недостаточной, если дело усугубляется разрывом между позитивным и нормативным знанием. Так, экономист будет весьма доволен, если с помощью своего подхода он сможет объяснить 90% судебных решений, при этом оставшиеся 10% решений вряд ли привлекут его внимание. С точки зрения юриста, та же ситуация выглядит иначе: он заинтересован в том, чтобы иметь четкие правила во всех 100% случаев! (см. [Познер, 2004, с. 342; Шеффер, 2004, с. 408]). Так что если добровольные рыночные сделки признаются эффективными и, соответственно, законными, то юрист не может не задаться вопросом об особых случаях, например, о правомерности таких сделок в отношении, скажем, младенцев. Еще более яркий пример такого образа мысли приводит немецкий правовед Г.-Б. Шеффер: “...почему бы тогда человеку, решившему постричься в монахи, не продать свое право жениться другому человеку, желающему, возможно, стать двоежёнцем” [Шеффер, 2004, с. 409]. Подобный “казусный подход” к проблеме функционален для правоведа, но совершенно чужд экономисту.

Значимость такого рода доводов отчасти зависит от правовой традиции, определяющей степень свободы судов при вынесении вердиктов. В традиции обычного права суды имеют значительную свободу в принятии решений – признается даже их участие в законотворчестве. В этих условиях отмеченные выше ценностные и эпистемологические конфликты оказываются частично интернализированными в деятельности самих судей, которые понемногу выступают и в роли исследователей, и в роли политиков. Соответственно, в этих своих ипостасях они могут воспринимать экономическую логику как вполне уместную.

Природа континентальной правовой традиции иная. Судья выступает здесь как толкователь закона, и это весьма существенно, поскольку именно данная ролевая позиция делает его нейтральным по отношению к любым политическим и экономическим соображениям. В свою очередь, эта нейтральность служит важнейшим фактором его профессиональной и общественной репутации. Неудивительно, что движение “экономического анализа права” родилось в США, а его восприятие в континентальной Европе было медленным и ограниченным.

К. Кирхнер разграничил три уровня, на которых “экономический анализ права” может претендовать на внедрение в правовую систему Германии. Он может выступать: а) как средство в руках законодателей; б) как инструмент политической критики действующего права; в) как элемент толкования права. При этом Кирхнер прямо указал, что внедрение “экономического анализа права” на двух первых уровнях, хотя и менее проблематично, но не способно что-либо существенно изменить в правовой практике; что же касается развернутого введения этой доктрины на третьем уровне, то оно вряд ли совместимо с действующей системой [Кирхнер, 2004, с. 390–392].

“Экономический империализм”: эмоции и реалии

Пример “экономического анализа права” весьма поучителен для общей оценки “экономического империализма” как наиболее противоречивого проявления междисциплинарных взаимодействий в общественных науках. Этот феномен возник из попытки применить стандартные средства микроэкономического анализа к изучению поведения людей за пределами собственно экономических обменов. Центральная идея подхода – изучать любую человеческую деятельность с помощью модели рационального (максимизирующего) поведения индивида.

По утверждению одного из активных приверженцев экономического империализма, “экономическая наука – старшая среди общественных наук”, и по его прогнозу с расширением ее границ неэкономисты, возможно, будут поставлены перед выбором: или “принять экономический подход”, или смириться с тем, что они будут “вытеснены из своей профессии экономистами” [Lazear, 2000, p. 99, 104]. Столь жесткие формулировки вряд ли можно сгладить оговорками с признанием “слабости экономической науки, обусловленной тем, что ее строгость достигается упрощающими предпосылками, которые ограничивают анализ и сужают кругозор исследователя... Наша узость позволяет давать конкретные решения, но, порой, мешает осмыслению проблемы с более широких позиций. Подобная специализация – не изъян, однако многое можно почерпнуть и от других обществоведов, изучающих те явления, которых мы не замечаем” [Lazear, 2000, p. 103].

Неэкономисты реагируют не менее эмоционально. Так, известный социолог Р. Сведберг заявил, что своей агрессивностью экономические империалисты грозят развязать вторую “борьбу методов” в общественных науках. В результате, отмечает он, мы окажемся перед лицом наступления на то, что столетиями составляло центральную традицию западной мысли: историографию, политическую науку, правовую мысль и т.п. [Swedberg, 1990].

На фоне подобной полемики междисциплинарные отношения могут показаться сферой банальной силовой борьбы за кусок общественного пирога (в виде денег, влияния и т.д.). Однако сводить дела к такому конфликту было бы опрометчиво. Как часто бывает, социальные конфликты важны постольку, поскольку за спинами их участников скрываются новые возможности и тенденции развития, которые – в зависимости от способа разрешения конфликтов – могут тормозиться или получить простор для реализации.

В своей аргументации и сторонники, и противники “экономического империализма” опираются на рациональные основания. В первом случае это идея научного прогресса путем наращивания объяснительной способности базовых принципов (см. [Mäki, 2001]); во втором случае, наоборот, – опасение того, что бо́льшая общность знания достигается ценой чрезмерных и неадекватных упрощений. При этом наибольшее беспокойство вызывает перспектива унификации общественных наук на основе экономической парадигмы рационального выбора, нередко не совместимой с фундаментальными предпосылками неэкономических дисциплин.

“Экономический анализ права” – пример “экономического империализма” с пятидесятилетним стажем, позволяющий оценить, что же в самом деле произошло в этой конкретной точке пересечения дисциплинарных границ. Действительно ли сбывается

прогноз о предстоящем объединении общественных наук? И не следует ли ожидать, что правовые исследования скоро станут частью экономической науки? Ответ на эти вопросы очевиден: ничего подобного не произошло и не происходит!

Действительный ход событий оказался гораздо ближе к прогнозу, сделанному еще в 1977 г. самим Коузом. Он писал, что не следует ожидать того, что экономисты “будут развивать свое триумфальное наступление² бесконечно; вполне вероятно, что им придется покинуть некоторые области из числа тех, которые они теперь усердно разрабатывают... Если главное преимущество, с которым экономист приходит в другие общественные науки, – это лишь его способ смотреть на мир, то трудно поверить, что он не будет взят на вооружение кем-то из специалистов в этих областях. Это уже происходит в правоведении и политической науке. Как только некоторые из специалистов освоят простые, но ценные истины, предложенные экономистами, – а это естественная конкурентная реакция – экономисты, пытающиеся работать в соответствующих общественных науках, утратят свое главное преимущество и столкнутся лицом к лицу с конкурентами, которые лучше них разбираются в предмете” [Coase, 1994, p. 37]. Таким образом, напрашивается вывод, что вместо объединения общественных наук в действительности на свет появилась еще одна научная дисциплина – экономический анализ права, составная часть правоведения. Иными словами, усилия, направленные на слом дисциплинарных барьеров, в конечном счете, привели лишь к возведению дополнительных барьеров. Отсюда следует несколько уроков.

Во-первых, научные дисциплины – многомерные образования, основанные на специфических, часто неявных предпосылках, встроенные в исторически сложившиеся институциональные структуры. В силу этих причин различные научные дисциплины не более сочетаемы, чем несоизмеримые куновские парадигмы, и поэтому большинство проектов междисциплинарных “слияний и поглощений” имеют мало шансов на успех.

Во-вторых, на перекрестках научных дисциплин, как в случае “экономического анализа” права, междисциплинарные отношения могут возникать только как временное явление. Оно может выродиться в простой перевод известного дисциплинарного знания на новый язык без приращения содержания (см., например, [Rojas, 2006]) – у такого междисциплинарного проекта будет мало шансов на выживание. Или из него синтезируется нетривиальное новое знание, плохо совместимое с существующими дисциплинами, и тогда исходная идея, перенесенная в новую среду, получит хороший шанс развиваться в новую научную дисциплину. Это и есть путь обогащения структуры научного знания за счет точек роста на пересечениях предметных полей и методов вне канонической диагонали наук, выстроенных на принципе “один предмет – один метод” (см. рис. 3). Новые подходы в экономической науке последних десятилетий, возникшие путем заимствований из поведенческих и биологических наук, вполне вписываются в эту тенденцию.

В-третьих, та же самая тенденция прокладывает себе дорогу и внутри традиционных областей знания, в частности в экономике. Современные науки об экономике разделены на отдельные дисциплины, дифференцированные по предметным областям и методам работы с материалом, не меньше, чем науки, изучающие разные объекты. Это обстоятельство имеет фундаментальное значение для адекватной оценки места большинства неортодоксальных течений в современной экономической науке. Суть проблемы заключается не столько в том, чтобы обеспечить переход в научном сообществе от монополизма (ортодоксии) к плюрализму, сколько в том, чтобы уйти

² Стоит отметить, что реакция Коуза на “империалистские” импульсы несла в себе заметный заряд иронии: “Одним из возможных объяснений этого интереса к соседним областям может служить то, что современные экономисты получают более широкое образование, чем их предшественники, и, как следствие, обладают более широкими интересами и поэтому их не удовлетворяет привязка к узкому кругу проблем, представленных в рамках собственно экономической системы. Такое объяснение мне кажется совершенно не оправданным... Общее впечатление, производимое, в особенности журналами, сводится к тому, что предметная область скорее сужается, чем расширяется” [Coase, 1994, p. 37].

		Специфические методы				
Предметные области		экономи- ческие	социоло- гические	психоло- гические	эволю- ционные	правовые
	Экономика	собственно экономи- ческая наука	экономи- ческая социология	поведен- ческая экономика	эволюцион- ная экономика	
	Социум	социология рациональ- ного выбора	собственно социология			
	Психика			собственно психология		
	Биологиче- ские виды				собственно эволюцион- ная биология	
	Право	экономи- ческий анализ права	социология права			собственно правоведение

Рис. 3. Обогащение структуры знания за счет новых научных дисциплин.

от однобокого анализа экономической реальности и перейти к ее всестороннему изучению.

В-четвертых, сила новых дисциплин, возникших из междисциплинарных взаимодействий, имеет два источника, один из которых – большая объясняющая способность базовых принципов, второй – разделение научного труда. В этом смысле междисциплинарные связи – важный фактор прогресса науки, в частности экономической, но отнюдь не сила, способная ломать дисциплинарные барьеры и всерьез угрожать соседним наукам. По тем же причинам междисциплинарные связи этого типа не могут служить средством против фрагментации научного знания.

В-пятых, в умножении числа дисциплин как пути развития современного обществознания заложены двоякого рода противоречия. Одно противоречие относится к социологии науки. Его иллюстрацией служит “экономический империализм”. Возникновение новой дисциплины сродни появлению нового игрока на сложившемся рынке. Обычно это провоцирует обострение конкурентной борьбы. В принципе подобная конкуренция функциональна: она дает возможность новичку нащупать подходящую для него нишу на рынке и одновременно подталкивает фирмы-старожилы к тому, чтобы адаптироваться к динамичной среде. Однако в отличие от хрестоматийной рыночной конкуренции в этом случае эффективный результат отнюдь не гарантирован. Хотя бы потому, что в основе конкуренции научных дисциплин могут лежать ненадежные (устарелые или односторонние) критерии, которыми руководствуются органы власти или фондодержатели. В таких условиях тенденции типа “экономического империализма” действительно могут оказаться опасными, если получают чрезмерную поддержку, равно как могут остаться недоиспользованными, если будут дискредитированы.

Второе противоречие имеет эпистемологическую природу и связано с упоминавшейся фрагментацией знания. Эта проблема имеет системный характер для современной науки. Вряд ли она будет когда-нибудь решена кардинально. Речь должна идти о разумных формах движения этого противоречия.

Мультидисциплинарная кооперация

Чтобы поиск таких форм движения был конструктивным, целесообразно исходить из сложившейся дисциплинарной структуры науки. Задача не в том, чтобы ее ломать, а в том, чтобы создать условия, способствующие междисциплинарной кооперации на этапе практического применения научного знания. Большинство указанных выше проблем междисциплинарных взаимодействий неизбежно возникнет и здесь: многомерность научных дисциплин и несовместимость их – часто неявных – этических и эпистемологических предпосылок, встроенность в культурно специфические институты и т.п. Однако контекст, в котором они здесь выступают, во многом меняет дело.

Во-первых, междисциплинарная кооперация – прежде всего вопрос организации совместной (командной) работы экспертов, представляющих разные дисциплины. Такая работа не подрывает сложившуюся дисциплинарную структуру научного знания, хотя и сопряжена с множеством организационных и психологических сложностей при ее осуществлении (см., например, [Zilberman, 1994]). Воспитание осознанного отношения к таким проблемам, выработка навыков по их преодолению должна стать неотъемлемой частью подготовки экономистов и других обществоведов. Во-вторых, в отличие от дисциплинарного знания, этические и философские предпосылки которого обычно воспринимаются как элемент “прочих равных условий” и явно не обсуждаются, в междисциплинарных проектах неизбежно проявляются и требуют обсуждения в явном виде. В-третьих, прикладные междисциплинарные исследования могут и должны научно подкрепляться теоретическими *ad hoc* конструкциями, обеспечивающими реинтеграцию фрагментированного дисциплинарного знания под конкретную решаемую задачу (на базе типологий и классификаций экономических систем и типичных хозяйственных ситуаций). В-четвертых, комбинация и интеграция фрагментированного знания может потребовать координирующей силы, объединяющей в себе практический опыт в сфере применения знания и методологическую культуру, необходимую для ориентации в пространстве современного знания.

* * *

Разные ситуации, возникающие на стыках дисциплинарных границ, предполагают различные способы реагирования на них со стороны профессионального сообщества экономистов. Структурная динамика теоретического знания подсказывает, что подготовка теоретиков не может сводиться к подготовке куновских “нормальных ученых”: они должны воспитывать в себе творческое воображение, необходимое для восприятия идей из других наук. Подготовка экономистов-прикладников должна воспитывать в них навыки командной работы в междисциплинарных коллективах. Наконец, необходимо активнее развивать метатеоретический уровень экономического знания, способный формировать у экономистов осознанное отношение к сложной структуре современного экономического знания, его философским предпосылкам и междисциплинарным взаимосвязям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кирхнер К. Трудности восприятия дисциплины “право и экономика” в Германии // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.

Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3.

Милль Д.С. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей // Милль Д.С. Основы политической экономии (с некоторыми приложениями к социальной философии). М., 2007.

Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.

Павлов И. Поведенческая теория – позитивный подход к исследованию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2007. № 3.

- Познер Р.* О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
- Шеффер Г.-Б.* Эффективность как правовая норма // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.
- Calabresi G.* Some Thoughts of Risk Distribution and the Law of Torts // Yale Law Journal. 1961. Vol. 70. № 4.
- Coase R.H.* Economics and Contiguous Disciplines // Essays on Economics and Economists. Chicago, 1994.
- Coase R.H.* The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. № 1.
- Davis J.* The Turn in Economics: Neoclassical Dominance to Mainstream Pluralism // Journal of Institutional Economics. 2006. Vol. 2. № 1.
- Hirshleifer J.* The Expanding Domain of Economics // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 6.
- Joannides S., Nielsen K.* Economics and the Social Sciences: Synergies and Trade-offs // Economics and the Social Sciences: Boundaries, Interaction and Integration. Cheltenham-Northampton, 2007.
- Lazear E.* Economic Imperialism // Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115. № 1.
- Mäki U.* Explanatory Unification: Double and Doubtful // Philosophy of Social Sciences. 2001. Vol. 31. № 4.
- Özveren E.* Where Disciplinary Boundaries Blur: the Environmental Dimension of Institutional Economics // Economics and the Social Sciences: Boundaries, Interaction and Integration. Cheltenham-Northampton, 2007.
- Rojas F.* Sociological Imperialism in Three Theories of the Market // Journal of Institutional Economics. 2006. Vol. 2. № 3.
- Swedberg R.* The New “Battle of Methods” // Challenge. January–February. 1990.
- Zilberman D.* Economics and Interdisciplinary Collaborative Efforts // Journal of Agricultural and Applied Economics. 1994. Vol. 26. № 1.
- Zoubolakis M.* Contesting the Autonomy of Political Economy: the Early Positivist Criticism of Economic Knowledge // European Journal of the History of Economic Thought. 2008. Vol. 15. № 1.